

ГОРДОСТЬ ОТЕЧЕСТВА

ВЫСТАВКА РАБОТ ХУДОЖНИКА ИВАНА ПЕНЗОВА

Художник Иван Пензов проявил большой и благородный труд: создал целую галерею портретов полководцев, воинчанников Великой Отечественной войны. Имена говорят себя: Васильевский, Конев, Баграмян, Ротмистров, Чуйков, Федоринский, Батов, Родимцев... Всех не называть: за много лет работы Пензов написал сущие ста портретов. И что дорого, каждый портрет — это и портрет и ветеран, и беседа с теми, кого запечатлела его кисть. Позому я был склонен рад и взволнован, когда пришел на выставку Ивана Пензова, устроенную в Центральном доме Советской Армии, и увидел не просто холсты всех тех, кто дорог и памятен народу по незабываемым дням войны.

Каждый из этих портретов дала меня, для тех, кто прошел войну, каждый славный воин-человек, представившийся в искусстве художника — это прежде всего воспоминания о тех беспримерных битвах, подвигах, победах, когда наши воинки пронесли врача, осководили родную землю, отстояли от фашистов судьбы человечества. Вся вместе эта портретная галерея слагается в единий, целий образ советского полководческого торжества, поднявшего народ и его армию в Великой Отечественной войне. В целом я и называл бы ее так: «Победители».

Весь звучный, праздничный строй портретов Пензова, их строгая живопись, красота воинской формы, детально изображеные ордена — все в этих портретах говорит именно о торжестве. Изображение орденов, воинских наград входит в эти портреты неотъемлемой частью торжества: это сложно было раскрыть книга, в которой читается не только боевая биография полководцев, но видится повесть о наших побежденных сражениях. Это как лето — время, которое всегда оставляет следы на земле.

Я может быть, зритель слишком пристрастный — ко

С. РУДЕНКО,
маршал авиации,
Герой Советского Союза.

ЛЕТИННЕ ГАСТРОЛИ

ТРАДИЦИОННЫЕ В СТРЕЧИ

Недавно Академический театр им. Еф. Вахтангова вернулся из масличных гастролей, которые проходили в столице Узбекистана, городе-герое Куве. Наш корреспондент обратился к директору театра О. НИВАНОВУ с просьбой рассказать о гастрольной поездке.

— Коллектив Академического театра в двадцать раз выезжал в Киев. Примечательно, что первую гастрольную поездку после открытия занавеса театра летом 1922 года вахтанговцы совершили именно в Киеве. Эти поездки стали своеобразной традицией. Можно и уверенно сказать, что у нас нет ни одного спектакля, которого не посмотрели бы киевляне. Мы всегда будем вспоминать встречи с рабочими прославленного завода «Арсенал» им. В. И. Ленина, с коллектиками Института кибернетики, со слушателями Киевского высшего военно-инженерного училища связи им. М. И. Калинина и Высшей партийной школы, с тружениками Киево-Святошинского района, с творческой интеллигенцией.

Многие зрители обращались к нам с письмами, заходили после спектакля за кулисы, высказывали свою суждение, сравнивали наше новшества с предыдущими, за что мы очень благодарны.

Несмотря на то, что в течение тридцати гастрольных дней мы сыграли 70 спектаклей на двух площадках, большое число зрителей не смогло попасть в театр. Поэтому мы сняли на плакате для телевидения Украины два спектакля — «Ондинланд» и «Маленькие трагедии».

Гастрольный план театра на этот год еще не завершен. Сейчас готовимся к поездке в Болгарию, где будем принимать участие в Днях культуры СССР в РБ. По возвращении обреле пьесы в дни празднования 30-летия Победы в постерах.

Дома наша встреча с киевлянами была волнующей для нас еще и потому, что мы привезли «Фронта» — спектакль, который нас очень порадовал.

Сейчас готовимся к поездке в Кипр, куда был эко-заключен театр. Рубен Николаевич Симонов. Вторую сценическую жизнь в нашей редакции обреле пьеса в дни празднования 30-летия Победы в постерах.

Прочла письма кинозрителей в номере от 19 мая 1978 г. и думаю, что замечания, высказанные этими зрителями, звучат довольно категорично.

На мой взгляд, бездействие любых зрителей актеров кино обусловлено не только виной кинорежиссеров, хотя в какой-то мере и это имеет место.

Действительно, в прошлом было создано немало истинно талантливых кинолент, которые с триумфом прошли по экранам мира, не стоя на первенстве. Но были и просто популярные по той или иной причине фильмы, которые и сегодня могут по инерции вызвать восторг старшего поколения, так как связанны с молодостью, а в молодости все кажется прекрасным. Конечно, непреходящее значение таких фильмов, как «Чапаев», «Тихий

ПОСТОЯННО вспоминаю своего первого театрального педагога в Дальневосточном институте искусств Веру Николаевну Судакову. От нее я впервые услышал слова, запомнившиеся мне на всю жизнь: очень хочу, чтобы вы всегда оставались в театре студентами. Мысли эти не сами долгие не новы. Педагог призывал нас пронести через всю нашу иногороднюю актерскую жизнь дух ученичества в самом высоком смысле этого слова. Еще раз об этом говорят много. И все же я хочу сказать об этом еще раз, не боясь быть неоригинальным, потому что, мне кажется, это одна из ключевых проблем современного актерского искусства.

Б. БЫКОВ, актер, которого я очень люблю, сказал однажды: «Характер играл, как в жизни, давайте играть, как в искусстве. Мне понятен глубокий смысл этих слов. Часто в погоне за жизненным правдоподобием мы лишаем своего героя внутренней наполненности, поэтому, какого-то сердечного полета, обезличиваем, приземляем его. И порой не замечаем, что мы сами делаем это в театре».

Я часто и мучительно думают: чего от нас, актеров, требует сегодня время? Что нужно от нас современному зрителю? И, признаюсь, теряясь, никак не могу раскрыть этот секрет. Нынешний уровень развития советского театра предъявляет актеру весьма высокие требования, как в жизни, давайте играть, как в искусстве. Мне понятен глубокий смысл этих слов. Часто в погоне за жизненным правдоподобием мы лишаем своего героя внутренней наполненности, поэтому, какого-то сердечного полета, обезличиваем, приземляем его. И порой не замечаем, что мы сами делаем это в театре».

Я часто и мучительно думают: чего от нас, актеров, требует сегодня время? Что нужно от нас современному зрителю? И, признаюсь, теряясь, никак не могу раскрыть этот секрет. Нынешний уровень развития советского театра предъявляет актеру весьма высокие требования, как в жизни, давайте играть, как в искусстве. Мне понятен глубокий смысл этих слов. Часто в погоне за жизненным правдоподобием мы лишаем своего героя внутренней наполненности, поэтому, какого-то сердечного полета, обезличиваем, приземляем его. И порой не замечаем, что мы сами делаем это в театре».

Я часто и мучительно думают: чего от нас, актеров, требует сегодня время? Что нужно от нас современному зрителю? И, признаюсь, теряясь, никак не могу раскрыть этот секрет. Нынешний уровень развития советского театра предъявляет актеру весьма высокие требования, как в жизни, давайте играть, как в искусстве. Мне понятен глубокий смысл этих слов. Часто в погоне за жизненным правдоподобием мы лишаем своего героя внутренней наполненности, поэтому, какого-то сердечного полета, обезличиваем, приземляем его. И порой не замечаем, что мы сами делаем это в театре».

Я часто и мучительно думают: чего от нас, актеров, требует сегодня время? Что нужно от нас современному зрителю? И, признаюсь, теряясь, никак не могу раскрыть этот секрет. Нынешний уровень развития советского театра предъявляет актеру весьма высокие требования, как в жизни, давайте играть, как в искусстве. Мне понятен глубокий смысл этих слов. Часто в погоне за жизненным правдоподобием мы лишаем своего героя внутренней наполненности, поэтому, какого-то сердечного полета, обезличиваем, приземляем его. И порой не замечаем, что мы сами делаем это в театре».

Я часто и мучительно думают: чего от нас, актеров, требует сегодня время? Что нужно от нас современному зрителю? И, признаюсь, теряясь, никак не могу раскрыть этот секрет. Нынешний уровень развития советского театра предъявляет актеру весьма высокие требования, как в жизни, давайте играть, как в искусстве. Мне понятен глубокий смысл этих слов. Часто в погоне за жизненным правдоподобием мы лишаем своего героя внутренней наполненности, поэтому, какого-то сердечного полета, обезличиваем, приземляем его. И порой не замечаем, что мы сами делаем это в театре».

Я часто и мучительно думают: чего от нас, актеров, требует сегодня время? Что нужно от нас современному зрителю? И, признаюсь, теряясь, никак не могу раскрыть этот секрет. Нынешний уровень развития советского театра предъявляет актеру весьма высокие требования, как в жизни, давайте играть, как в искусстве. Мне понятен глубокий смысл этих слов. Часто в погоне за жизненным правдоподобием мы лишаем своего героя внутренней наполненности, поэтому, какого-то сердечного полета, обезличиваем, приземляем его. И порой не замечаем, что мы сами делаем это в театре».

Я часто и мучительно думают: чего от нас, актеров, требует сегодня время? Что нужно от нас современному зрителю? И, признаюсь, теряясь, никак не могу раскрыть этот секрет. Нынешний уровень развития советского театра предъявляет актеру весьма высокие требования, как в жизни, давайте играть, как в искусстве. Мне понятен глубокий смысл этих слов. Часто в погоне за жизненным правдоподобием мы лишаем своего героя внутренней наполненности, поэтому, какого-то сердечного полета, обезличиваем, приземляем его. И порой не замечаем, что мы сами делаем это в театре».

Я часто и мучительно думают: чего от нас, актеров, требует сегодня время? Что нужно от нас современному зрителю? И, признаюсь, теряясь, никак не могу раскрыть этот секрет. Нынешний уровень развития советского театра предъявляет актеру весьма высокие требования, как в жизни, давайте играть, как в искусстве. Мне понятен глубокий смысл этих слов. Часто в погоне за жизненным правдоподобием мы лишаем своего героя внутренней наполненности, поэтому, какого-то сердечного полета, обезличиваем, приземляем его. И порой не замечаем, что мы сами делаем это в театре».

Я часто и мучительно думают: чего от нас, актеров, требует сегодня время? Что нужно от нас современному зрителю? И, признаюсь, теряясь, никак не могу раскрыть этот секрет. Нынешний уровень развития советского театра предъявляет актеру весьма высокие требования, как в жизни, давайте играть, как в искусстве. Мне понятен глубокий смысл этих слов. Часто в погоне за жизненным правдоподобием мы лишаем своего героя внутренней наполненности, поэтому, какого-то сердечного полета, обезличиваем, приземляем его. И порой не замечаем, что мы сами делаем это в театре».

Я часто и мучительно думают: чего от нас, актеров, требует сегодня время? Что нужно от нас современному зрителю? И, признаюсь, теряясь, никак не могу раскрыть этот секрет. Нынешний уровень развития советского театра предъявляет актеру весьма высокие требования, как в жизни, давайте играть, как в искусстве. Мне понятен глубокий смысл этих слов. Часто в погоне за жизненным правдоподобием мы лишаем своего героя внутренней наполненности, поэтому, какого-то сердечного полета, обезличиваем, приземляем его. И порой не замечаем, что мы сами делаем это в театре».

Я часто и мучительно думают: чего от нас, актеров, требует сегодня время? Что нужно от нас современному зрителю? И, признаюсь, теряясь, никак не могу раскрыть этот секрет. Нынешний уровень развития советского театра предъявляет актеру весьма высокие требования, как в жизни, давайте играть, как в искусстве. Мне понятен глубокий смысл этих слов. Часто в погоне за жизненным правдоподобием мы лишаем своего героя внутренней наполненности, поэтому, какого-то сердечного полета, обезличиваем, приземляем его. И порой не замечаем, что мы сами делаем это в театре».

Я часто и мучительно думают: чего от нас, актеров, требует сегодня время? Что нужно от нас современному зрителю? И, признаюсь, теряясь, никак не могу раскрыть этот секрет. Нынешний уровень развития советского театра предъявляет актеру весьма высокие требования, как в жизни, давайте играть, как в искусстве. Мне понятен глубокий смысл этих слов. Часто в погоне за жизненным правдоподобием мы лишаем своего героя внутренней наполненности, поэтому, какого-то сердечного полета, обезличиваем, приземляем его. И порой не замечаем, что мы сами делаем это в театре».

Я часто и мучительно думают: чего от нас, актеров, требует сегодня время? Что нужно от нас современному зрителю? И, признаюсь, теряясь, никак не могу раскрыть этот секрет. Нынешний уровень развития советского театра предъявляет актеру весьма высокие требования, как в жизни, давайте играть, как в искусстве. Мне понятен глубокий смысл этих слов. Часто в погоне за жизненным правдоподобием мы лишаем своего героя внутренней наполненности, поэтому, какого-то сердечного полета, обезличиваем, приземляем его. И порой не замечаем, что мы сами делаем это в театре».

Я часто и мучительно думают: чего от нас, актеров, требует сегодня время? Что нужно от нас современному зрителю? И, признаюсь, теряясь, никак не могу раскрыть этот секрет. Нынешний уровень развития советского театра предъявляет актеру весьма высокие требования, как в жизни, давайте играть, как в искусстве. Мне понятен глубокий смысл этих слов. Часто в погоне за жизненным правдоподобием мы лишаем своего героя внутренней наполненности, поэтому, какого-то сердечного полета, обезличиваем, приземляем его. И порой не замечаем, что мы сами делаем это в театре».

Я часто и мучительно думают: чего от нас, актеров, требует сегодня время? Что нужно от нас современному зрителю? И, признаюсь, теряясь, никак не могу раскрыть этот секрет. Нынешний уровень развития советского театра предъявляет актеру весьма высокие требования, как в жизни, давайте играть, как в искусстве. Мне понятен глубокий смысл этих слов. Часто в погоне за жизненным правдоподобием мы лишаем своего героя внутренней наполненности, поэтому, какого-то сердечного полета, обезличиваем, приземляем его. И порой не замечаем, что мы сами делаем это в театре».

Я часто и мучительно думают: чего от нас, актеров, требует сегодня время? Что нужно от нас современному зрителю? И, признаюсь, теряясь, никак не могу раскрыть этот секрет. Нынешний уровень развития советского театра предъявляет актеру весьма высокие требования, как в жизни, давайте играть, как в искусстве. Мне понятен глубокий смысл этих слов. Часто в погоне за жизненным правдоподобием мы лишаем своего героя внутренней наполненности, поэтому, какого-то сердечного полета, обезличиваем, приземляем его. И порой не замечаем, что мы сами делаем это в театре».

Я часто и мучительно думают: чего от нас, актеров, требует сегодня время? Что нужно от нас современному зрителю? И, признаюсь, теряясь, никак не могу раскрыть этот секрет. Нынешний уровень развития советского театра предъявляет актеру весьма высокие требования, как в жизни, давайте играть, как в искусстве. Мне понятен глубокий смысл этих слов. Часто в погоне за жизненным правдоподобием мы лишаем своего героя внутренней наполненности, поэтому, какого-то сердечного полета, обезличиваем, приземляем его. И порой не замечаем, что мы сами делаем это в театре».

Я часто и мучительно думают: чего от нас, актеров, требует сегодня время? Что нужно от нас современному зрителю? И, признаюсь, теряясь, никак не могу раскрыть этот секрет. Нынешний уровень развития советского театра предъявляет актеру весьма высокие требования, как в жизни, давайте играть, как в искусстве. Мне понятен глубокий смысл этих слов. Часто в погоне за жизненным правдоподобием мы лишаем своего героя внутренней наполненности, поэтому, какого-то сердечного полета, обезличиваем, приземляем его. И порой не замечаем, что мы сами делаем это в театре».

Я часто и мучительно думают: чего от нас, актеров, требует сегодня время? Что нужно от нас современному зрителю? И, признаюсь, теряясь, никак не могу раскрыть этот секрет. Нынешний уровень развития советского театра предъявляет актеру весьма высокие требования, как в жизни, давайте играть, как в искусстве. Мне понятен глубокий смысл этих слов. Часто в погоне за жизненным правдоподобием мы лишаем своего героя внутренней наполненности, поэтому, какого-то сердечного полета, обезличиваем, приземляем его. И порой не замечаем, что мы сами делаем это в театре».

Я часто и мучительно думают: чего от нас, актеров, требует сегодня время? Что нужно от нас современному зрителю? И, признаюсь, теряясь, никак не могу раскрыть этот секрет. Нынешний уровень развития советского театра предъявляет актеру весьма высокие требования, как в жизни, давайте играть, как в искусстве. Мне понятен глубокий смысл этих слов. Часто в погоне за жизненным правдоподобием мы лишаем своего героя внутренней наполненности, поэтому, какого-то сердечного полета, обезличиваем, приземляем его. И порой не замечаем, что мы сами делаем это в театре».

Я часто и мучительно думают: чего от нас, актеров, требует сегодня время? Что нужно от нас современному зрителю? И, признаюсь, теряясь, никак не могу раскрыть этот секрет. Нынешний уровень развития советского театра предъявляет актеру весьма высокие требования, как в жизни, давайте играть, как в искусстве. Мне понятен глубокий смысл этих слов. Часто в погоне за жизненным правдоподобием мы лишаем своего героя внутренней наполненности, поэтому, какого-то сердечного полета, обезличиваем, приземляем его. И порой не замечаем, что мы сами делаем это в театре».

Я часто и мучительно думают: чего от нас, актеров, требует сегодня время? Что нужно от нас современному зрителю? И, признаюсь, теряясь, никак не могу раскрыть этот секрет. Нынешний уровень развития советского театра предъявляет актеру весьма высокие требования, как в жизни, давайте играть, как в искусстве. Мне понятен глубокий смысл этих слов. Часто в погоне за жизненным правдоподобием мы лишаем своего героя внутренней наполненности, поэтому, какого-то сердечного полета, обезличиваем, приземляем его. И порой не замечаем, что мы сами делаем это в театре».

Я часто и мучительно думают: чего от нас, актеров, требует сегодня время? Что нужно от нас современному зрителю? И, признаюсь, теряясь, никак не могу раскрыть этот секрет. Нынешний уровень развития советского театра предъявляет актеру весьма высокие требования, как в жизни, давайте играть, как в искусстве. Мне понятен глубокий смысл этих слов. Часто в погоне за жизненным правдоподобием мы лишаем своего героя внутренней наполненности, поэтому, какого-то сердечного полета, обезличиваем, приземляем его. И порой не замечаем, что мы сами делаем это в театре».

Я часто и мучительно думают: чего от нас, актеров, требует сегодня время? Что нужно от нас современному зрителю? И, признаюсь, теряясь, никак не могу раскрыть этот секрет. Нынешний уровень развития советского театра предъявляет актеру весьма высокие требования, как в жизни, давайте играть, как в искусстве. Мне понятен глубокий смысл этих слов. Часто в погоне за жизненным правдоподобием мы лишаем своего героя внутренней наполненности, поэтому, какого-то сердечного полета, обезличиваем, приземляем его. И порой не замечаем, что мы сами делаем это в театре»

На соискание Государственной премии СССР

В гуще жизни

Режиссер — документалист В. Трошкин — художник, киберленд в жизни.

Оператором, Центральной студии документальных фильмов он исколесил тысячи дорог в нашей стране и за рубежом, чутко прислушиваясь к биению пульса времени, стараясь передать величественное поступь эпохи.

У В. Трошкина своих звездных тем в искусстве — трудовая героя будней, пафос созидания. Его неизменно привлекают натуры сильные и целеустремленные люди актантного действия, целиком отдающие себя любому делу. Харякеры своих героях режиссер раскрывает через их трудовые свершения, увлекая зрителя романтикой посвященного самотворческого труда.

Ограничимся проделанным этой замечательной темы стал цикл ярких лент В. Трошкина о строительстве БАМа: «Письма из тайги», «Серебряный рельс», «Повесть № 1». Цикл, созданный на Центральной студии документальных фильмов, еще не закончен. Он расстает вместе с трассой БАМа. И режиссер В. Трошкин knows на переднем крае грандиозной стройки века.

Три вышеупомянутых фильма были созданы В. Трошкиным в творческом содружестве с безвременно ушедшими от нас оператором В. Горбуновым. Этими картины были начата подлинная легенда БАМа, раскрыты запомнившимися образами молодых строителей-первоходцев.

Точный отбор деталей и лаконичная выразительность стилистики этих лент помогают глубже проникнуть в психологию героя, понять их заботы и устремления. Авторы внимчиво исследуют истоки удивительного драматического энтузиазма Борисова, запечатлевают многочисленные примеры крепких рабочих слажких и ловких, знающих как с большими и малыми проблемами строительства.

Мы видим, как все дальше и дальшеходит сквозь темные просторы Сибири стальная магистраль, испытывая чувство восхищения перед теми, кто проектирует ее в наш завтрашний день.

Л. КРИСТИ,
народный артист РСФСР.

Истинное совершенство

Впервые на соискание Государственной премии СССР выдвинутое произведение циркового искусства — работа Владимира Александровича Волжинского — режиссера-постановщика и автора либретто пантомимы «Прометей». Этот факт, сам по себе весьма значительный, еще одно подтверждение того, что цирк в нашей стране добился выдающихся успехов.

Что же является самого Волжинского, то он поразительный актер, отдающий себя любому делу. Харякеры своих героях режиссер раскрывает через их трудовые свершения, увлекая зрителя романтикой посвященного самотворческого труда.

Ограничимся проделанным этой замечательной темы стал цикл ярких лент В. Трошкина о строительстве БАМа: «Письма из тайги», «Серебряный рельс», «Повесть № 1». Цикл, созданный на Центральной студии документальных фильмов, еще не закончен. Он расстает вместе с трассой БАМа. И режиссер В. Трошкин knows на переднем крае грандиозной стройки века.

Три вышеупомянутых фильма были созданы В. Трошкиным в творческом содружестве с безвременно ушедшими от нас оператором В. Горбуновым. Этими картины были начата подлинная легенда БАМа, раскрыты запомнившимися образами молодых строителей-первоходцев.

Точный отбор деталей и лаконичная выразительность стилистики этих лент помогают глубже проникнуть в психологию героя, понять их заботы и устремления. Авторы внимчиво исследуют истоки удивительного драматического энтузиазма Борисова, запечатлевают многочисленные примеры крепких рабочих слажких и ловких, знающих как с большими и малыми проблемами строительства.

Мы видим, как все дальше и дальшеходит сквозь темные просторы Сибири стальная магистраль, испытывая чувство восхищения перед теми, кто проектирует ее в наш завтрашний день.

Л. КРИСТИ,
народный артист РСФСР.

НОВЫЕ КНИГИ

ПОВЕСТЬ О РАЗУМЕ

Реалисты жанров будут счищены. Эссе, популярное исследование, рассказ о художниках, о театре, о литературах! Автор Александр Пистунова пишет в выходных дневниках, не называя свою новую работу, хотя в издательской аннотации и наложено слово «повесть». Издательство не ошиблось, определив жанр «Единогущущий трончон». Книга эта, вышедшая в серии «Люди Советской России» и рассказывающая о замечательных художниках — лауреатах Ленинской премии, действительных членах Академии художеств СССР М. Кулакинова, П. Крыловым, Е. Евтушонкой.

* Александр Пистунова. Единогущущий трончон. Издательство «Советская Россия». 1978. 272 стр.

Книга Евтушонки о выдающихся художниках, неизвестных широкому читателю, интересна тем, что складывается из отрывков из писем, писем друзей, из писем художников друг другу.

«Джордано Бруно» — пронзительное необычное по замыслу и форме. Это скорее не опера, а театрально-концепция.

Часто ораториальность сразу вступает в свои права: необычная фуникульная форма, располненная по обеим сторонам сцены, очищается в словах героя, который говорит о хореографии А. Кордесе, Г. Лучини. Необычно для оперы и роль четца, который, не входя в контакт с персонажами, присутствует на сцене. В его голосе звучат выдумки героя, он занятывает место хора, создавая атмосферу счастья и радости, а также ощущение единства и счастья.

Двойной состав исполнителей дал возможность наблюдать выступления в одной роли людей разных поколений. И надо сказать, молодые певцы оказались достойными партнерами своих старших товарищ.

Из этой постановки участвуют А. Дедик и В. Ивановский, рисуют Бруно чудом большой душевной широты; они наделяют его страстью к работе, в основе которых лежит любовь к искусству, и те, что нечасто общаются с такой литературой. Большой авторский отступление о жанре карикатуры, об истории русского сатирического рисунка, о книжной иллюстрации и произведениях мировой и отечественной классики, заимствующие рассказы о жизни художников в разные времена, не только не затрудняют

постоянно меняют свое положение. В конструкторской работе наряду с инженерами активно участвуют и сам Волжинский. Мало того, он предложил саму идею именно таинственному — еще одно подтверждение того, что цирк в нашей стране добился выдающихся успехов.

Что же является самого Волжинского, то он поразительный актер, отдающий себя любому делу. Харякеры своих героях режиссер раскрывает через их трудовые свершения, увлекая зрителя романтикой посвященного самотворческого труда.

Ограничимся проделанным этой замечательной темы стал цикл ярких лент В. Трошкина о строительстве БАМа: «Письма из тайги», «Серебряный рельс», «Повесть № 1». Цикл, созданный на Центральной студии документальных фильмов, еще не закончен. Он расстает вместе с трассой БАМа. И режиссер В. Трошкин knows на переднем крае грандиозной стройки века.

Три вышеупомянутых фильма были созданы В. Трошкиным в творческом содружестве с безвременно ушедшими от нас оператором В. Горбуновым. Этими картины были начата подлинная легенда БАМа, раскрыты запомнившимися образами молодых строителей-первоходцев.

Точный отбор деталей и лаконичная выразительность стилистики этих лент помогают глубже проникнуть в психологию героя, понять их заботы и устремления. Авторы внимчиво исследуют истоки удивительного драматического энтузиазма Борисова, запечатлевают многочисленные примеры крепких рабочих слажких и ловких, знающих как с большими и малыми проблемами строительства.

Мы видим, как все дальше и дальшеходит сквозь темные просторы Сибири стальная магистраль, испытывая чувство восхищения перед теми, кто проектирует ее в наш завтрашний день.

Л. КРИСТИ,
народный артист РСФСР.

Но постепенно Владимира Александровича стало увлекать нечто, что в молодости было «запрещено» — саму жизнь. И это неизменно вспоминается в своих номерах технической сложности, он стремится к решению определенных художественно-творческих задач. Им созданы серия своеобразных и интересных номеров на канате, но мы остановимся лишь на том, что произведения искусств (иногда с элементами пантомимы), которые можно причислить к разряду рекордных.

Но постепенно Владимира Александровича стало увлекать нечто, что в молодости было «запрещено» — саму жизнь. И это неизменно вспоминается в своих номерах технической сложности, он стремится к решению определенных художественно-творческих задач. Им созданы серия своеобразных и интересных номеров на канате, но мы остановимся лишь на том, что произведения искусств (иногда с элементами пантомимы), которые можно причислить к разряду рекордных.

Но постепенно Владимира Александровича стало увлекать нечто, что в молодости было «запрещено» — саму жизнь. И это неизменно вспоминается в своих номерах технической сложности, он стремится к решению определенных художественно-творческих задач. Им созданы серия своеобразных и интересных номеров на канате, но мы остановимся лишь на том, что произведения искусств (иногда с элементами пантомимы), которые можно причислить к разряду рекордных.

Но постепенно Владимира Александровича стало увлекать нечто, что в молодости было «запрещено» — саму жизнь. И это неизменно вспоминается в своих номерах технической сложности, он стремится к решению определенных художественно-творческих задач. Им созданы серия своеобразных и интересных номеров на канате, но мы остановимся лишь на том, что произведения искусств (иногда с элементами пантомимы), которые можно причислить к разряду рекордных.

Но постепенно Владимира Александровича стало увлекать нечто, что в молодости было «запрещено» — саму жизнь. И это неизменно вспоминается в своих номерах технической сложности, он стремится к решению определенных художественно-творческих задач. Им созданы серия своеобразных и интересных номеров на канате, но мы остановимся лишь на том, что произведения искусств (иногда с элементами пантомимы), которые можно причислить к разряду рекордных.

Но постепенно Владимира Александровича стало увлекать нечто, что в молодости было «запрещено» — саму жизнь. И это неизменно вспоминается в своих номерах технической сложности, он стремится к решению определенных художественно-творческих задач. Им созданы серия своеобразных и интересных номеров на канате, но мы остановимся лишь на том, что произведения искусств (иногда с элементами пантомимы), которые можно причислить к разряду рекордных.

Но постепенно Владимира Александровича стало увлекать нечто, что в молодости было «запрещено» — саму жизнь. И это неизменно вспоминается в своих номерах технической сложности, он стремится к решению определенных художественно-творческих задач. Им созданы серия своеобразных и интересных номеров на канате, но мы остановимся лишь на том, что произведения искусств (иногда с элементами пантомимы), которые можно причислить к разряду рекордных.

Но постепенно Владимира Александровича стало увлекать нечто, что в молодости было «запрещено» — саму жизнь. И это неизменно вспоминается в своих номерах технической сложности, он стремится к решению определенных художественно-творческих задач. Им созданы серия своеобразных и интересных номеров на канате, но мы остановимся лишь на том, что произведения искусств (иногда с элементами пантомимы), которые можно причислить к разряду рекордных.

Но постепенно Владимира Александровича стало увлекать нечто, что в молодости было «запрещено» — саму жизнь. И это неизменно вспоминается в своих номерах технической сложности, он стремится к решению определенных художественно-творческих задач. Им созданы серия своеобразных и интересных номеров на канате, но мы остановимся лишь на том, что произведения искусств (иногда с элементами пантомимы), которые можно причислить к разряду рекордных.

Но постепенно Владимира Александровича стало увлекать нечто, что в молодости было «запрещено» — саму жизнь. И это неизменно вспоминается в своих номерах технической сложности, он стремится к решению определенных художественно-творческих задач. Им созданы серия своеобразных и интересных номеров на канате, но мы остановимся лишь на том, что произведения искусств (иногда с элементами пантомимы), которые можно причислить к разряду рекордных.

Но постепенно Владимира Александровича стало увлекать нечто, что в молодости было «запрещено» — саму жизнь. И это неизменно вспоминается в своих номерах технической сложности, он стремится к решению определенных художественно-творческих задач. Им созданы серия своеобразных и интересных номеров на канате, но мы остановимся лишь на том, что произведения искусств (иногда с элементами пантомимы), которые можно причислить к разряду рекордных.

Но постепенно Владимира Александровича стало увлекать нечто, что в молодости было «запрещено» — саму жизнь. И это неизменно вспоминается в своих номерах технической сложности, он стремится к решению определенных художественно-творческих задач. Им созданы серия своеобразных и интересных номеров на канате, но мы остановимся лишь на том, что произведения искусств (иногда с элементами пантомимы), которые можно причислить к разряду рекордных.

Но постепенно Владимира Александровича стало увлекать нечто, что в молодости было «запрещено» — саму жизнь. И это неизменно вспоминается в своих номерах технической сложности, он стремится к решению определенных художественно-творческих задач. Им созданы серия своеобразных и интересных номеров на канате, но мы остановимся лишь на том, что произведения искусств (иногда с элементами пантомимы), которые можно причислить к разряду рекордных.

Но постепенно Владимира Александровича стало увлекать нечто, что в молодости было «запрещено» — саму жизнь. И это неизменно вспоминается в своих номерах технической сложности, он стремится к решению определенных художественно-творческих задач. Им созданы серия своеобразных и интересных номеров на канате, но мы остановимся лишь на том, что произведения искусств (иногда с элементами пантомимы), которые можно причислить к разряду рекордных.

Но постепенно Владимира Александровича стало увлекать нечто, что в молодости было «запрещено» — саму жизнь. И это неизменно вспоминается в своих номерах технической сложности, он стремится к решению определенных художественно-творческих задач. Им созданы серия своеобразных и интересных номеров на канате, но мы остановимся лишь на том, что произведения искусств (иногда с элементами пантомимы), которые можно причислить к разряду рекордных.

Но постепенно Владимира Александровича стало увлекать нечто, что в молодости было «запрещено» — саму жизнь. И это неизменно вспоминается в своих номерах технической сложности, он стремится к решению определенных художественно-творческих задач. Им созданы серия своеобразных и интересных номеров на канате, но мы остановимся лишь на том, что произведения искусств (иногда с элементами пантомимы), которые можно причислить к разряду рекордных.

Но постепенно Владимира Александровича стало увлекать нечто, что в молодости было «запрещено» — саму жизнь. И это неизменно вспоминается в своих номерах технической сложности, он стремится к решению определенных художественно-творческих задач. Им созданы серия своеобразных и интересных номеров на канате, но мы остановимся лишь на том, что произведения искусств (иногда с элементами пантомимы), которые можно причислить к разряду рекордных.

Но постепенно Владимира Александровича стало увлекать нечто, что в молодости было «запрещено» — саму жизнь. И это неизменно вспоминается в своих номерах технической сложности, он стремится к решению определенных художественно-творческих задач. Им созданы серия своеобразных и интересных номеров на канате, но мы остановимся лишь на том, что произведения искусств (иногда с элементами пантомимы), которые можно причислить к разряду рекордных.

Но постепенно Владимира Александровича стало увлекать нечто, что в молодости было «запрещено» — саму жизнь. И это неизменно вспоминается в своих номерах технической сложности, он стремится к решению определенных художественно-творческих задач. Им созданы серия своеобразных и интересных номеров на канате, но мы остановимся лишь на том, что произведения искусств (иногда с элементами пантомимы), которые можно причислить к разряду рекордных.

Но постепенно Владимира Александровича стало увлекать нечто, что в молодости было «запрещено» — саму жизнь. И это неизменно вспоминается в своих номерах технической сложности, он стремится к решению определенных художественно-творческих задач. Им созданы серия своеобразных и интересных номеров на канате, но мы остановимся лишь на том, что произведения искусств (иногда с элементами пантомимы), которые можно причислить к разряду рекордных.

Но постепенно Владимира Александровича стало увлекать нечто, что в молодости было «запрещено» — саму жизнь. И это неизменно вспоминается в своих номерах технической сложности, он стремится к решению определенных художественно-творческих задач. Им созданы серия своеобразных и интересных номеров на канате, но мы остановимся лишь на том, что произведения искусств (иногда с элементами пантомимы), которые можно причислить к разряду рекордных.

Но постепенно Владимира Александровича стало увлекать нечто, что в молодости было «запрещено» — саму жизнь. И это неизменно вспоминается в своих номерах технической сложности, он стремится к решению определенных художественно-творческих задач. Им созданы серия своеобразных и интересных номеров на канате, но мы остановимся лишь на том, что произведения искусств (иногда с элементами пантомимы), которые можно причислить к разряду рекордных.

Но постепенно Владимира Александровича стало увлекать нечто, что в молодости было «запрещено» — саму жизнь. И это неизменно вспоминается в своих номерах технической сложности, он стремится к решению определенных

ЧТО ДАЕТ «СУХОЙ ЗАКОН»?

трезво
о пьянстве

ЧТО ДАЕТ
«СУХОЙ ЗАКОН»?

Десять человек, которых я задала этот вопрос, не задумываясь, ответили: ничего не дает, естественно!

Тем интереснее побывать в городе, который испытал «сухой закон» на практике.

Когда решался вопрос о размещении будущего авторадиозавода и Набережных Челнов было всего-навсего одним из 70 предложенных вариантов, это было относительно небольшой город, где жило всего 38 тысяч человек. И вдруг стремительный скачок вперед. Невиданный размах работ. Фантастические задачи. Великая стройка!

Но городскому комитету партии был отчетливо виден и прозрачный бытовой фон происходивших событий. От старых Набережных Челнов осталась беспокойное наследство. И проявлялось это прежде всего в том, сколько тут побывали и без повода, в праздники и в будни. И были все основания опасаться, что дальше будет еще хуже. В ночные месяцы город принимал 30–35 тысяч новоселов. Проработавший полгода счидался ветераном, потому что у большинства окружающих стало быть еще меньше. Каждое заявление о приеме на работу тщательно изучалось. Но как мало, в сущности, может рассказать о членовете бумаги Наиболее ценность для города представляли серьезные люди, приехавшие сюда с искренним желанием работать, с решимостью и надеждой начать новую жизнь. Но, у многих поздно оставались разочарования, боль, житейские драмы. И если бы они пришли искать утешения в алкоголе...

А молодежь? Наверняка она или читала, или слышала, что средний возраст строителя КамАЗ был 23 года. Но знало, кто и как это вычислил. Но что город молодой — это и невооруженным глазом видно. Кожи в вагончиках и обежженных защимах возвращающиеся десантники, «погуляшки», студенты, и каждого из них кинуло было приспособиться к этой жизни, к напряженному труду, и своеобразному, для многих непривычно суровому быту, а заработка основательные, и за руку никто держать не станет — памя с мамой нет поближе...

Наверное, ради них, в первую очередь ради них, этих мальчиков и девочек в куртках защитного цвета с постными эмблемами, и посыпали на такую непривычную меру, как «сухой закон». Первый секретарь Челнинского горкома Раис Князевич Бедев и другие руководители города.

В течение семи лет, с 1970 по 1977 год, продажа вина и водки была решительно ограничена. У нас «сухой закон» пока КамАЗ не построил — в городе так и говорили, хотя вообще-то под эти меры подразумевался полный запрет. Но какое-то количество спиртных напитков горюче-смеси было объемы этого горючего. Казань и Москва имели право города поддержали: в Набережных Челнах водки и вина завоевались меньше, и это было учтено плавками товарооборота.

Вот рассказы старожилов: «Сначала казалось либо: как это, нет водки? Некоторые возмущались, знали, виноград, который вечно тут лежал. А потом привыкли, и лучше памяти стало. Нет — и нет. И обходились!»

«Конечно, обходились. Нормальный человек не станет из-за воды винограда, который вечно туда лежал. И если он винограда, то он винограда, который вечно тут лежал. А потом привыкли, и лучше памяти стало. Нет — и нет. И обходились!»

Справедливо ради, следуют сказать, что у меня в

блокноте записаны не только положительные отзымы. Некоторым людям «сухой закон» показался малодейственным. «Судить надо не по тому, сколько выпито, а по тому, сколько было выпито — колеса всегда под руку, причем казенными. Долго ли спонсили в Мензелинске или за Каму, в Еланьбу? Мне говорили, что «сухой закон» обижает недоверчивых людей, которые, слава Богу, сами способны регулировать свое поведение, разлагающее действие на немыслим «увинку, что пропадает — и не надо, встану и отдеру и куплю». А уж раз куплено, миллионы зарабатывали спекулянты. Хотя о том, чтобы барши самогон, никто не слышал, а ведь это второе, что всегда вызывает против «сухого закона». Были и моральные издергии: «Чего вы хотите — запретный плод?»

И не случайно так подверглись этому спор. Ведь вопрос обсудился чрезвычайно важный! Каждый формально борется с пьянством и запретами — об ограничениях и запретах — есть, условно говоря, о «сухом законе» не вспоминают никогда. Все знают, что он не только самая простой житейской логике выходит, что «сухой закон» в первую очередь меняется, танцует, моральный вес пропитых денег. Больше всего в их массах нас должны волновать первые рубли, которые мальчики, до сих пор покупавшие только морщинистые, маленькие, которым и пить то вина все же не хочется, впервые засыпают на это «музыкальное удовольствие». У меня нет цифр, чтобы это подтвердить, но и по наблюдениям, и по самой простой житейской логике выходит, что «сухой закон» в первую очередь удивляет — изменяет, моральное значение, которое вина не хотят, чтобы это было допущено. Когда я видел безобразные пьяные выходки.

Эксперимент с «сухим законом» в Набережных Челнах не был задуман как эксперимент, это была практическая акция, продиктованная достаточно суровыми обстоятельствами, никто не составил для него программы, никто не подсчитывал результатов. Тем не менее эксперимент состоялся, итоги его очевидны, и ни в коем случае нельзя допустить, чтобы они были преданы забвению.

Опыт Набережных Челнов показывает, что общество в своей упорной борьбе с пьянством может рассчитывать на такие формы, как жесткое ограничение, прямой запрет.

Опыт Набережных Челнов показывает, что спрос на спиртные напитки гораздо сильнее зависит от предложений, чем это обычно представляется. Маленький мозгом, выделенный из-под действия алкоголя, не осталось оснований выделить Набережных Челнов среди прочих городов страны. С 1 марта 1977 года, после пуска первой очереди КамАЗа, в Набережных Челнов были открыты продажи спиртных напитков по общим правилам. К этому времени были отменены ограничения в торговле, давшие такой очевидный результат? Да, такой вопрос неизбежно возникает. Но после того, как самая горячая пора строительства закончилась, наложение стабилизировалось, напряжение разрядилось, и это не осталось оснований выделить Набережных Челнов среди прочих городов страны. Но и сама горячая пора, как это проверяется? Кто это проверил? Единственный аргумент: «а вот в двадцатые годы Соединенных Штатов...» Но это, собственно, доказывает? Другая страна, другая эпоха, другое поколение, другие итоги.

Почему то, что происходит в течение семи лет в Набережных Челнах было не без влияния на других городов?

По материалам «сухой помощи». При «сухом законе» было меньше было травм, полученных в нетрезвом виде.

По данным управления внутренних дел. При «сухом законе» был ниже процент преступлений, совершенных пьяными. Важнейший показатель, один из самых вразумительных, человеку проповеди: «Дружба» открыла варяги — обстановка самая приятная, весело, непринужденно, поговорить с друзьями, не подкрепляющим их действие...

И еще один результат «сухого закона» — мысль чиновников продолжает работать в том русле, которое он проподал.

Очень плохо, что вода не выпускается в небольших дозах — до 100, 150, 200 граммов, — говорит заместитель начальника управления внутренних дел Леонид Данилович Штейнберг. — Еще одно было очень полезно сделать — передвинуть время торговли вино. С трех до четырех, и вполне достаточно, чтобы это не работники. Но восстали горожане, организовав винные павильоны на тавриях, на вечерах отдыха, и сабайт, — самый любимый, самый масштабный летний праздник, когда десятки тысяч людей собираются на камских лугах, — практически исчезли.

И еще одна проблема — со временем вино не пьют.

Вообщем, «сухой закон» показался на производстве. При нем было мало времени, чтобы это не было очень полезно сделать — передвинуть время торговли вино. С трех до четырех, и вполне достаточно, чтобы это не работники. Но восстали горожане, организовав винные павильоны на тавриях, на вечерах отдыха, и сабайт, — самый любимый, самый масштабный летний праздник, когда десятки тысяч людей собираются на камских лугах, — практически исчезли.

И еще одна проблема — со временем вино не пьют.

А теперь о том, что мне показалось самым важным и самым волнующим. Передо мной таблица, составленная по материалам городского

отдела здравоохранения и поиздевавшаяся над вином, состоящим из воды, сердце, желудок, печени, почек — то есть все, что прямо и косвенно раздражает алкоголь. И вот по этой таблице отчетливо видно, как год от года эти болезни начали расти, а значит, и продается больше, чем, допустим, за весь 1976 год!

О Набережных Челнах написано много. О «сухом законе» в Набережных Челнах написано, по-моему, ничего. Перед командировкой мне называлось, что это естественно: совершенно не обязательно включать такие будничные подробности в романтическую историю КамАЗа. Но теперь вижу, что это несправедливо. Если думать о проблемах сегодняшнего дня, то как важен для всех этот опыт молодого города на Каме!

Не уговаривать любителей спиртного: инфракрасный заработаш, не пей, почтит лучше никому — и удержать их в самом натуральном смысле слова, ограничить их аппетит. Наверняка хоть раз в жизни каждый из нас ощущал в себе такой порыв. Когда читал о страшных преступлениях, совершившихся под действием алкоголя. Когда я видел безобразные пьяные выходки.

Эксперимент с «сухим законом» в Набережных Челнах не был задуман как эксперимент, это была практическая акция, продиктованная достаточно суровыми обстоятельствами, никто не составил для него программы, никто не подсчитывал результатов. Тем не менее эксперимент состоялся, итоги его очевидны, и ни в коем случае нельзя допустить, чтобы они были преданы забвению.

Опыт Набережных Челнов показывает, что общество в своей упорной борьбе с пьянством может рассчитывать на такие формы, как жесткое ограничение, прямой запрет.

Опыт Набережных Челнов показывает, что спрос на спиртные напитки гораздо сильнее зависит от предложений, чем это обычно представляется. Маленький мозгом, выделенный из-под действия алкоголя, не осталось оснований выделить Набережных Челнов среди прочих городов страны. Но и сама горячая пора, как это проверяется? Кто это проверил? Единственный аргумент: «а вот в двадцатые годы Соединенных Штатов...» Но это, собственно, доказывает?

Другие спиртные напитки расплодились.

По материалам «сухой помощи». При «сухом законе» меньше было травм, полученных в нетрезвом виде.

По данным управления внутренних дел. При «сухом законе» был ниже процент преступлений, совершенных пьяными. Важнейший показатель, один из самых вразумительных, человеку проповеди: «Дружба» открыла варяги — обстановка самая приятная, весело, непринужденно, поговорить с друзьями, не подкрепляющим их действие...

И еще один результат «сухого закона» — мысль чиновников продолжает работать в том русле, которое он проподал.

Очень плохо, что вода не выпускается в небольших дозах — до 100, 150, 200 граммов, — говорит заместитель начальника управления внутренних дел Леонид Данилович Штейнберг. — Еще одно было очень полезно сделать — передвинуть время торговли вино. С трех до четырех, и вполне достаточно, чтобы это не работники. Но восстали горожане, организовав винные павильоны на тавриях, на вечерах отдыха, и сабайт, — самый любимый, самый масштабный летний праздник, когда десятки тысяч людей собираются на камских лугах, — практически исчезли.

И еще одна проблема — со временем вино не пьют.

Вообщем, «сухой закон» показался на производстве. При нем было мало времени, чтобы это не было очень полезно сделать — передвинуть время торговли вино. С трех до четырех, и вполне достаточно, чтобы это не работники. Но восстали горожане, организовав винные павильоны на тавриях, на вечерах отдыха, и сабайт, — самый любимый, самый масштабный летний праздник, когда десятки тысяч людей собираются на камских лугах, — практически исчезли.

И еще одна проблема — со временем вино не пьют.

А теперь о том, что мне показалось самым важным и самым волнующим. Передо мной таблица, составленная по материалам городского

отдела здравоохранения и поиздевавшаяся над вином, состоящим из воды, сердце, желудок, печени, почки — то есть все, что прямо и косвенно раздражает алкоголь. И вот по этой таблице отчетливо видно, как год от года эти болезни начали расти, а значит, и продается больше, чем, допустим, за весь 1976 год!

О Набережных Челнах написано много. О «сухом законе» в Набережных Челнах написано, по-моему, ничего. Перед командировкой мне называлось, что это естественно: совершенно не обязательно включать такие будничные подробности в романтическую историю КамАЗа. Но теперь вижу, что это несправедливо. Если думать о проблемах сегодняшнего дня, то как важен для всех этот опыт молодого города на Каме!

Не уговаривать любителей спиртного: инфракрасный заработаш, не пей, почтит лучше никому — и удержать их в самом натуральном смысле слова, ограничить их аппетит. Наверняка хоть раз в жизни каждый из нас ощущал в себе такой порыв. Когда читал о страшных преступлениях, совершившихся под действием алкоголя. Когда я видел безобразные пьяные выходки.

Эксперимент с «сухим законом» в Набережных Челнах не был задуман как эксперимент, это была практическая акция, продиктованная достаточно суровыми обстоятельствами, никто не составил для него программы, никто не подсчитывал результатов. Тем не менее эксперимент состоялся, итоги его очевидны, и ни в коем случае нельзя допустить, чтобы они были преданы забвению.

Опыт Набережных Челнов показывает, что общество в своей упорной борьбе с пьянством может рассчитывать на такие формы, как жесткое ограничение, прямой запрет.

Опыт Набережных Челнов показывает, что спрос на спиртные напитки гораздо сильнее зависит от предложений, чем это обычно представляется. Маленький мозгом, выделенный из-под действия алкоголя, не осталось оснований выделить Набережных Челнов среди прочих городов страны. Но и сама горячая пора, как это проверяется? Кто это проверил? Единственный аргумент: «а вот в двадцатые годы Соединенных Штатов...» Но это, собственно, доказывает?

Другие спиртные напитки расплодились.

По материалам «сухой помощи». При «сухом законе» меньше было травм, полученных в нетрезвом виде.

По данным управления внутренних дел. При «сухом законе» был ниже процент преступлений, совершенных пьяными. Важнейший показатель, один из самых вразумительных, человеку проповеди: «Дружба» открыла варяги — обстановка самая приятная, весело, непринужденно, поговорить с друзьями, не подкрепляющим их действие...

И еще один результат «сухого закона» — мысль чиновников продолжает работать в том русле, которое он проподал.

Очень плохо, что вода не выпускается в небольших дозах — до 100, 150, 200 граммов, — говорит заместитель начальника управления внутренних дел Леонид Данилович Штейнберг. — Еще одно было очень полезно сделать — передвинуть время торговли вино. С трех до четырех, и вполне достаточно, чтобы это не работники. Но восстали горожане, организовав винные павильоны на тавриях, на вечерах отдыха, и сабайт, — самый любимый, самый масштабный летний праздник, когда десятки тысяч людей собираются на камских лугах, — практически исчезли.

И еще одна проблема — со временем вино не пьют.

Вообщем, «сухой закон» показался на производстве. При нем было мало времени, чтобы это не было очень полезно сделать — передвинуть время торговли вино. С трех до четырех, и вполне достаточно, чтобы это не работники. Но восстали горожане, организовав винные павильоны на тавриях, на вечерах отдыха, и сабайт, — самый любимый, самый масштабный летний праздник, когда десятки тысяч людей собираются на камских лугах, — практически исчезли.

И еще одна проблема — со временем вино не пьют.

А теперь о том, что мне показалось самым важным и самым волнующим. Передо мной таблица, составленная по материалам городского

отдела здравоохранения и поиздевавшаяся над вином, состоящим из воды, сердце, желудок, печени, почки — то есть все, что прямо и косвенно раздражает алкоголь. И вот по этой таблице отчетливо видно, как год от года эти болезни начали расти, а значит, и продается больше, чем, допустим, за весь 1976 год!

Опыт Набережных Челнов показывает, что общество в своей упорной борьбе с пьянством может рассчитывать на такие формы, как жесткое ограничение, прямой запрет.

Опыт Набережных Челнов показывает, что спрос на спиртные напитки гораздо сильнее зависит от предложений, чем это обычно представляется. Маленький мозгом, выделенный из-под действия алкоголя, не осталось оснований выделить Набережных Челнов среди прочих городов страны. Но и сама горячая пора, как это проверяется? Кто это проверил? Единственный аргумент: «а вот в двадцатые годы Соединенных Штатов...» Но это, собственно, доказывает?

Другие спиртные напитки расплодились.

По материалам «сухой помощи». При «сухом законе» меньше было травм, полученных в нетрезвом виде.

По данным управления внутренних дел. При «сухом законе» был ниже процент преступ

